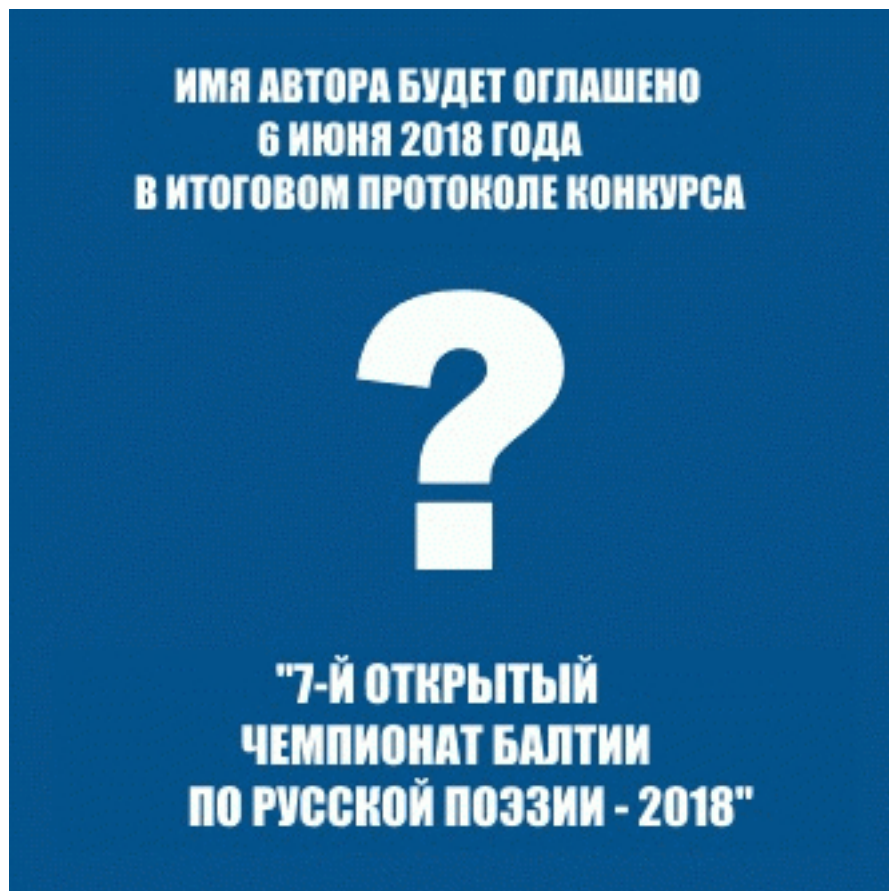




Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

ИЗДАЛЕКА И СВЕРХУ

За резиновым клеем

В оцинкованном корыте (бывшей моей ванночке)
рыба-велосипедная камера выпускает пузыри.
Её надо лечить – ставить заплатку.
– Сбегай за резиновым клеем, – велит дедушка.
Хватаю связку ключей и несусь в подвал.

Хрясь-щёлк! – открылась первая дверь.
Десять ступенек вниз.
Скрип-щёлк! – открылась вторая.
Дотягиваюсь до выключателя, поворачиваю.
Тогда ещё были такие – поворачивающиеся, чёрные.
Оживает тусклая лампочка.

Земляной пол дышит холодом через подошвы сандалет,
по стенам угрожающе змеятся трубы.
Теперь вперёд по коридору.
Двери, двери из неструганых досок.
На каждой написан номер квартиры.
Вот и наш – тридцать пятый.
Теперь надо открыть самый главный замок, навесной.
Мы боремся, с четвёртой попытки я побеждаю.

И вот они, недра кладовки.
Кладовка у нас двусторонняя.
С одной стороны дедушкины полки, с другой – бабушкины.

Справа – ящик с гвоздями, пружины,
мотки проволоки, пила, топор без топорща,
цепи, шестерни, гаечные ключи.
Царство железа.
Вот и жестянка с резиновым клеем. Беру.

С другой стороны съестное:
кабачковая икра, солёные огурцы, варенье.
На каждой банке с вареньем – наклейка:
Вишня, Крыжовник, Кр.смородина, Ч. смородина, Актинидия.
Еще написано, в каком году сделано.
Красносмородиновое – самое скучное, ягоды перемолоты в кашу.
Вишневое – самое вкусное.
Актинидия-хвастинидия, хвастаться перед гостями.

А в дальнем конце кладовки не полки, а закрома.
Высокие дощатые загородки, за ними картошка и брюква.
Да, только корнеплоды, и больше ничего там нет. И никого.
Никто там не сидит – подвальный, земляной, подземный.
И этот никто не позовёт меня,
не утащит навсегда в свой чёрный мир – нет, нет, нет!

– Я всего лишь за резиновым клеем, – как будто оправдываюсь.
И ухожу, не оборачиваясь.

Дальнее

Ничего, никого, только воздух и свет
и прозрачность, которой прозрачнее нет,
осьминожье солнце, медовый июль,
Let It Be, кучевые плывут в Ливерпуль,
предвкушение счастья, надежд биллион,
бирюзовый блузон на шнуре бельевом,

куст коринки, темнеющих шариков сласть,
стрекотанье и полдень, в который упасть,
с неопознанной птицей свистеть вразнобой –
это не было-было с тобой-не с тобой?
Отдаляюсь, прошло, не болит ни о ком,
жизнь меня провожает и машет платком.
Не болит до поры, но в груди – острйе,
а у жизни лицо почему-то моё.

* * *

Самый лучший подарок – ловец снов.
В час, когда считаешь овец,
талисман начинает стараться
принимать космические вибрации,
от которых снится приятное,
невероятное.
Он всё, что хочешь, приснить может,
этот ловец,
по волнам сновидений пловец!

Нет. Всё-таки нет.
Мне не нужен таинственный амулет
древних индейцев, амулетовладельцев.
Я взяла бы пригоршню слов,
да таких, чтоб понять их смог
даже тот, кто яйцеголов.
Слов, отменяющих манию
взаимонепонимания.

А ещё лучше стая сов.
Да-да, уйду в совы –
на мышиный народец нагонять ужас.
Хорошо летать, загребая воздух,
когда небо в звёздах,
город под крыльями в звёздах,
а совиные очи – Маркаб и Чара.
Но главное – это точка взгляда.
Иногда очень нужно смотреть вот так:
издалека
и сверху.



Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему порталу.

~~Олег Битинский, автор стихов~~

СП